МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК: 330.34:332.14
JEL: O11, O40, O53

Возможности и факторы ускоренного экономического роста Республики Таджикистан

А.И. Домов
e-mail: *aldom77mos@gmail.com*

М.Р. Бобоев, к.э.н., доцент
https://orcid.org/0009-0003-0156-4764; SPIN-код (РИНЦ): 8018-0527
e-mail: *bmr1958@mail.ru*

Для цитирования
Домов А.И., Бобоев М.Р. Возможности и факторы ускоренного экономического роста Республики Таджикистан // Проблемы рыночной экономики. – 2026. – № 3. – С. 273-292.
DOI: 10.33051/2500-2325-2026-3-273-292

Аннотация
В статье рассматривается экономический рост Таджикистана и причины, по которым устойчиво высокие темпы увеличения валового внутреннего продукта пока не сопровождаются сопоставимым расширением производительной занятости и внутренних источников дохода. Актуальность исследования определяется сочетанием быстрого роста экономики и населения, высокой роли трудовой миграции и денежных переводов, капиталоёмкого характера значительной части новых промышленных и инфраструктурных проектов, а также транспортных и энергетических ограничений страны. В 2025 г. реальный ВВП Таджикистана вырос на 8,4%, однако Всемирный банк по-прежнему относит недостаточное создание рабочих мест и зависимость от внешних доходов к числу ключевых ограничений дальнейшей структурной трансформации [4, 8, 10].
В центре статьи — факторы, которые мешают высокому экономическому росту Таджикистана быстрее превращаться в новые рабочие места и добавленную стоимость внутри страны. В работе используются структурно-динамический, сравнительный и институциональный подходы, официальная статистика Республики Таджикистан, данные Всемирного банка и МВФ, документы EITI, материалы международных организаций и государственные программы Республики Таджикистан. Анализ показывает, что трудовая миграция поддерживает доходы домохозяйств и снижение бедности, тогда как добывающая промышленность, гидроэнергетика и крупная инфраструктура обеспечивают быстрый прирост выпуска, но вследствие высокой капиталоёмкости не способны самостоятельно решить проблему занятости растущего населения. Промышленные и инфраструктурные проекты поэтому целесообразно оценивать не только по объёму инвестиций, добычи или генерации, но и по количеству постоянных рабочих мест, глубине переработки, использованию местного сырья и величине добавленной стоимости, остающейся внутри страны.

Ключевые слова: *Таджикистан, экономический рост, структурная трансформация, инвестиционная политика, трудовая миграция, денежные переводы, промышленность, гидроэнергетика, транспортная связанность, минеральные ресурсы, Центральная Азия.*

Opportunities and factors of accelerated economic growth in the Republic of Tajikistan

Alexander I. Domov
e-mail: *aldom77mos@gmail.com*

Mutalibjon R. Boboev, Cand. of Sci. (Econ.), Associate Professor
https://orcid.org/0009-0003-0156-4764; SPIN-code (RSCI): 8018-0527
e-mail: *bmr1958@mail.ru*

For citation
Domov A.I., Boboev M.R. Opportunities and factors of accelerated economic growth in the Republic of Tajikistan // Market economy problems. – 2026. – No. 3. – Pp. 273-292 (In Russian).
DOI: 10.33051/2500-2325-2026-3-273-292

Abstract
The article examines Tajikistan's economic growth and the reasons why persistently high GDP growth has not yet been accompanied by a comparable expansion of productive employment and domestically generated income. The relevance of the study stems from the combination of rapid economic and demographic growth, the major role of labour migration and remittances, the capital-intensive nature of many industrial and infrastructure projects, and the country's transport and energy constraints. In 2025, Tajikistan's real GDP grew by 8.4 percent, while the World Bank continued to identify limited domestic job creation and dependence on external income as major constraints on structural transformation. The purpose of the paper is to identify the factors limiting the conversion of high growth rates into sustainable employment and domestic value added. The methodological framework combines structural-dynamic, comparative and institutional approaches and uses official statistics of the Republic of Tajikistan, World Bank and IMF data, EITI materials, international organizations' reports and Tajikistan's national development programmes. The analysis shows that labour migration supports household income and poverty reduction, whereas mining, hydropower and large infrastructure projects generate rapid output growth but, because of their capital intensity, cannot by themselves absorb the country's growing labour force. The paper concludes that industrial and infrastructure projects should be assessed not only by investment, extraction or generation volumes, but also by permanent employment, depth of processing, use of domestic resources and the share of value added retained in the national economy.

Keywords: *Tajikistan, economic growth, structural transformation, investment policy, labor migration, remittances, industry, hydropower, transport connectivity, mineral resources, Central Asia.*

Введение

В начале сентября 2026 года в столице Кыргызстана, Бишкеке состоялся очередной саммит Шанхайской организации сотрудничества, который собрал глав России, Китая, Индии, Ирана, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Беларуси, Пакистана и других государств. Стоит отметить, что встречи с представителями США, Европейского союза, Китая, Японии, стран Персидского залива и других партнёров становятся регулярными. Республики Центральной Азии всё чаще рассматриваются зарубежными странами как единый регион с общей экономической и геополитической повесткой. Попробуем разобраться, почему эти страны вообще рассматривают вместе. Все началось во времена СССР, когда страны рассматривали как единую территорию «Средняя Азия и Казахстан»: к Средней Азии относили Узбекистан, Киргизию, Таджикистан и Туркмению. Но после распада Союза такое определение потеряло прежний геополитический смысл, и 4 января 1993 года на встрече в Ташкенте руководители пяти государств договорились использовать новое обозначение - Центральная Азия [2]. Позже в

международной практике закрепилось сокращение С5 [1], включающее Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, хотя с историко-географической точки зрения правильнее добавить к этой пятёрке еще Монголию, запад Китая и часть Южной Сибири, но в данной статье мы затронем только упомянутые ранее страны [41].

Площадь пяти республик Центральной Азии составляет около 4 млн км² и позволила бы вместить территорию почти сорока Южных Корей. По данным World Development Indicators, совокупный номинальный ВВП пяти государств Центральной Азии в 2025 году, рассчитанный авторами как сумма показателей пяти стран, составил около $543,39 млрд. При этом оценки международных организаций по отдельным странам могут заметно различаться. Наиболее существенное расхождение относится к Туркменистану: Всемирный банк оценивает его номинальный ВВП за 2025 год примерно в $49,8 млрд, тогда как в базе МВФ используется существенно более высокая оценка — около $77,4 млрд. Поэтому при использовании данных МВФ совокупный размер экономики С5 оказывается близок к $570 млрд. В настоящей таблице для обеспечения сопоставимости показателей ВВП всех пяти стран используется единая база World Development Indicators [5, 6].

Таблица 1

Основные экономические показатели государств Центральной Азии (С5) в 2025 г.

Государство	Площадь, тыс. км²	Население, млн чел.	ВВП, млрд долл. США	Доля в совокупном ВВП С5, %	ВВП на душу населения, долл. США
Казахстан	2 724,9	20,84	306,24	56,36	14 694
Узбекистан	449,0	37,05	147,04	27,06	3 968
Туркменистан	488,1	7,62	49,83	9,17	6 539
Кыргызстан	199,9	7,34	22,62	4,16	3 081
Таджикистан	141,4	10,79	17,66	3,25	1 637
С5, всего	**4 003,3**	**83,65**	**543,39**	**100,00**	6496

Источник: *составлено авторами по данным World Bank,* World Development Indicators - *численность населения, номинальный ВВП и ВВП на душу населения за 2025 г.; United Nations,* United Nations Statistics Division. UNData. Country profile: Tajikistan / Central Asian states. *Доля государств в совокупном ВВП С5 рассчитана авторами [5, 6, 52].*

Чем же возможно объяснить столь большие различия в развитии бывших советских республик, которые определяются не только внутренними минеральными ресурсами стран:

- запасами нефти, газа, металлов и плодородных земель,
- но и доступом к внешним рынкам и капиталу,
- географическим положением относительно транспортных коридоров,
- уровнем государственного управления и наличием трудовых ресурсов.

Таджикская ССР, просуществовавшая с 1929 по 1991 год, более шестидесяти лет, развивалась как часть единой государственной, экономической и административной системы Советского Союза, поэтому после его распада Таджикистан одновременно столкнулся: с последствиями разрыва хозяйственных связей, слабостью собственной промышленной базы, транспортной изолированностью горных районов, быстрым ростом населения и последствиями гражданской войны 1992–1997 годов. Вместе с тем стране удалось сохранить значительный гидроэнергетический потенциал и запасы полезных ископаемых, тогда как её положение в глубине материка, между Центральной и Южной Азией, при отсутствии выхода к морю и сложном горном рельефе остаётся одним из серьёзных ограничений для развития экономики и внешней торговли. Попробуем разобраться, почему при росте более чем на 7% в год Таджикистан всё ещё заметно уступает соседям по доходам и какие возможности позволят стране изменить это отставание.

Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года была утверждена 1 декабря 2016 года постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан № 636 [32]. Уже по итогам 2025 г. объём ВВП Республики Таджикистан составил 176,9 млрд сомони, а реальный рост экономики - 8,4% [4]. За предшествующие десять лет экономика росла в среднем на 7,6% в год (рис. 1), а номинальный объём ВВП в национальной валюте увеличился в 3,4 раза [6, 17]. В апреле 2026 г. МВФ

прогнозировал замедление реального роста до 6,0% при увеличении номинального ВВП до примерно $20,4 млрд и ВВП на душу населения до $1,94 тыс. [5]. Таким образом, Таджикистан сохраняет устойчиво высокие темпы роста, однако их влияние на экономическое развитие страны в регионе сдерживается маленьким размером экономики: даже ежегодное увеличение ВВП на 7–8% лишь постепенно сокращает разрыв с Казахстаном и Узбекистаном.

Однако темпы роста реального ВВП отражают динамику совокупного производства, но не являются достаточной характеристикой оценки экономического развития. Необходимо разобраться является ли рост интенсивным или экстенсивным, сопровождается ли он повышением производительности, ростом доходов на душу населения и структурной диверсификацией, а также насколько достигнутые темпы сохранятся в средне- и долгосрочном периоде. Для такой страны как Таджикистан - это особенно важно из-за одновременного влияния нескольких факторов: демографического роста, трудовой миграции, высокой зависимости от импорта, сезонных энергетических ограничений и затрудненной из-за горного рельефа транспортной логистики. Цель настоящей работы - определить, какие из этих ограничений носят структурный характер и какие направления способны повлиять на экономику республики - увеличить количество производительных рабочих мест и долю добавленной стоимости, создаваемой внутри страны. Для этого мы отдельно рассмотрим вопросы демографии и рынка труда, влияния денежных переводов, структуры промышленности, энергетики, транспорта, водно-энергетических связей и минерально-сырьевой базы страны.

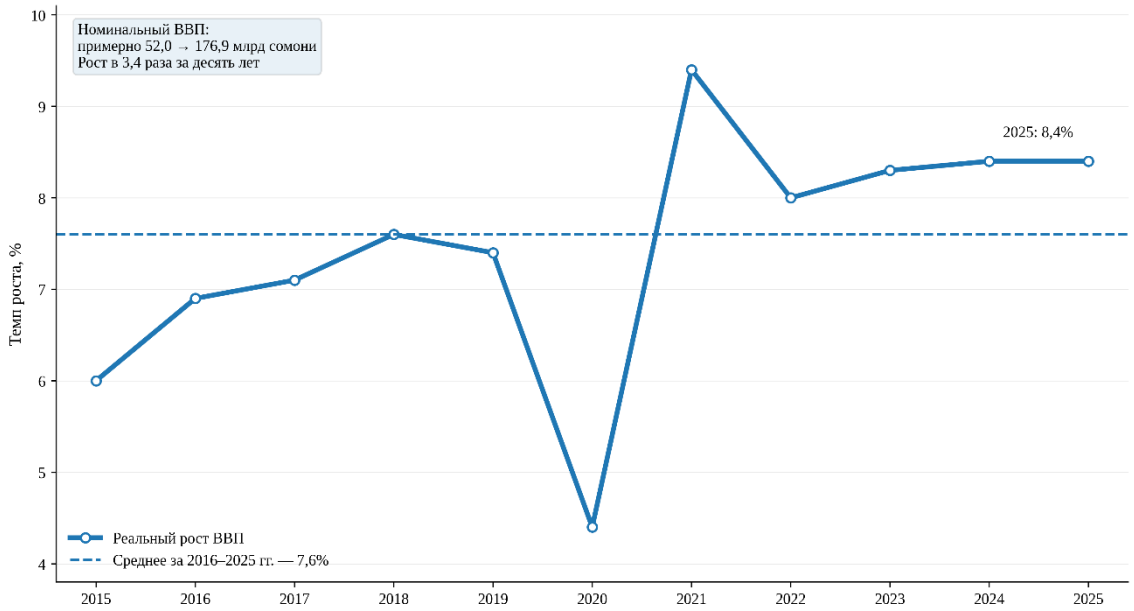

Рис. 1. Темпы реального роста ВВП Таджикистана в 2015–2025 гг., %
Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка за 2015–2024 гг. и официальным данным Республики Таджикистан за 2025 г.

Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении взаимосвязи трудовой миграции, занятости, энергетики, транспорта, сельского хозяйства, сырьевого сектора и глубины переработки как факторов, определяющих способность быстрого экономического роста трансформироваться в устойчивое развитие внутренней экономики. Особое внимание уделяется тому, в какой степени рост опирается на создание новых рабочих мест, развитие промышленности и сельского хозяйства, повышение энергетической обеспеченности как населения, так и промышленных предприятий, развитие транспортной доступности и формирование добавленной стоимости внутри страны, а в какой - на доходы, связанные с внешней трудовой миграцией и поступающими от неё денежными переводами. Практическая значимость такого подхода состоит в возможности оценивать промышленные и инфраструктурные проекты не только по объёму инвестиций и выпуска, но и по их вкладу в занятость, использование местного сырья, нагрузку на энергосистему, логистические издержки и величину добавленной стоимости, остающейся в республике.

Материалы и методы решения задачи

В работе используются структурно-динамический, сравнительный и институциональный подходы. Основной период анализа охватывает 2015–2026 гг.; более ранние данные используются там, где современную структуру экономики невозможно объяснить без исторического контекста. Эмпирическую базу составляют данные Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, Международного валютного фонда, Всемирного банка, EITI, материалы профильных государственных органов и предприятий, а также государственные стратегии и программы Республики Таджикистан [3–12, 17–28, 32–40].

Структурно-динамический анализ применяется для сопоставления роста ВВП с демографической динамикой, занятостью, промышленным выпуском, внешней торговлей и денежными переводами. Сравнительный анализ применяется при сопоставлении Таджикистана с другими странами Центральной Азии по масштабам экономики, уровню доходов, инвестициям, обеспеченности инфраструктурой и отдельным отраслевым показателям, а также альтернативных способов использования энергетических и минерально-сырьевых ресурсов. Институциональный анализ применяется при сопоставлении выявленных ограничений с действующими программами индустриализации, развития экспорта, поддержки частного сектора, государственных инвестиций и привлечения инвестиций [32–37].

При анализе используются только проверяемые источники. Если национальная статистика и международные базы дают разные значения, показатели не объединяются автоматически; различие указывается в тексте. При анализе разграничиваются денежные переводы и ВВП, а также годовая выработка электроэнергии и реально доступная промышленным потребителям мощность. Для рассмотрения минерально-сырьевого блока различаются определения геологических проявлений, подтверждённых запасов, добычи, обогащения и последующих технологических переделов.

Страна долин и почти безлюдных гор

Население республики к началу 2026 года достигло 10,721 млн человек, подавляющее большинство которого составляют таджики. При этом крупные таджикские сообщества исторически проживают и за пределами современных границ страны — прежде всего в Афганистане и Узбекистане, а также в Китае и России. Особенно показателен пример Памира, где исторически сложившиеся районы проживания населения оказались разделены государственными границами ещё в конце XIX века, в ходе разграничения владений Российской и Цинской империй еще в 1880–1890-х годах. В Китае перепись 2020 года зафиксировала 50896 представителей официально признанной таджикской национальности, к которой в китайской статистике относят и часть памирских народов, данные National Bureau of Statistics of China / Seventh National Population Census. В целом многовековое соседство народов Центральной Азии привело к тому, что языковые, культурные и этнические границы здесь далеко не всегда совпадают с государственными, поэтому определить общую численность таджиков в регионе не представляется возможным. То же относится к численности таджиков в Афганистане, где последняя общенациональная перепись проводилась ещё в 1979 году и охватила лишь около двух третей территории страны, поэтому современные данные о численности населения носят оценочный характер.

С 1989 года население Таджикистана выросло с 5,09 млн человек более чем вдвое, несмотря на гражданскую войну, тяжёлый кризис 1990-х годов и масштабную трудовую миграцию. Рост продолжается и сегодня: только в 2025 году естественный прирост составил 220,7 тыс. человек, а около 36% населения страны ещё не достигли 15 лет. Такая возрастная структура означает, что даже постепенное снижение рождаемости не приведёт к быстрому замедлению демографического роста: многочисленные поколения, родившиеся в предыдущие годы, только вступают в возраст создания собственных семей. Поэтому население Таджикистана, по имеющимся прогнозам, к середине века может приблизиться к 15–15,5 млн человек [53].

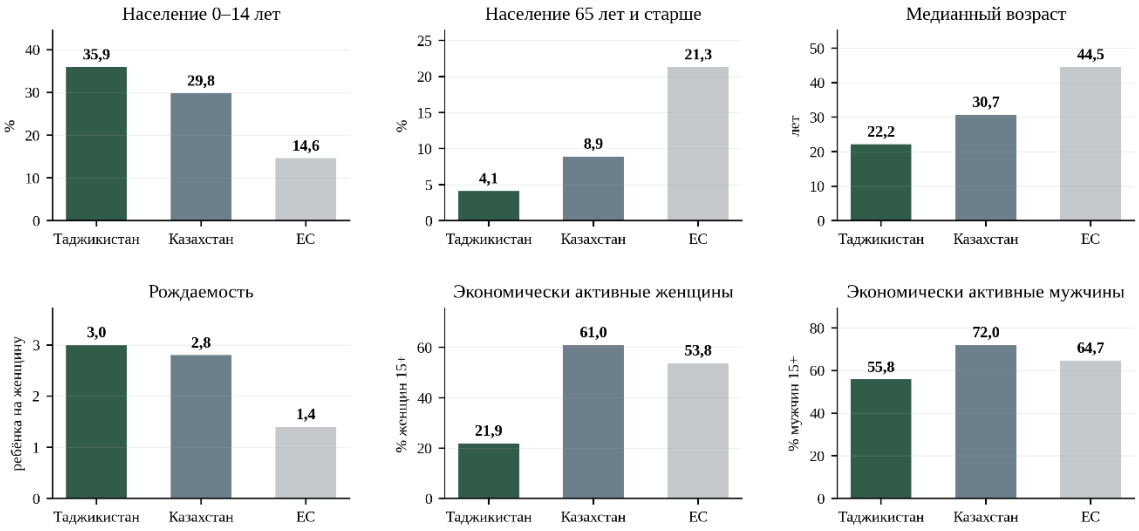

Рис. 2. Демографическая структура и экономическая активность населения Таджикистана в сравнении с Казахстаном и Европейским союзом

Примечание: к экономически активному населению по методологии ILO относятся занятые, а также неработающие лица, которые ищут работу и готовы приступить к ней.

Источник: составлено авторами по данным ILOSTAT, World Bank, Eurostat и национальных статистических служб Таджикистана и Казахстана.

Не меньший интерес представляет плотность населения Таджикистана, страны где горы занимают около 93% территории страны. Наибольшая часть населения проживает в сравнительно узких полосах Гиссарской, Вахшской, Ферганской долин, там, где находятся города, сельскохозяйственные земли и сосредоточена большая часть промышленности рис.3. Памир, занимающий почти половину территории республики, остаётся малонаселенным: на площади около 64 тыс. км² в Горно-Бадахшанской автономной области живёт примерно 235 тыс. человек, то есть менее четырёх жителей на квадратный километр. Душанбе с населением около 1,27 млн человек заметно превосходит остальные города республики, и лишь три города - Худжанд, Бохтар и Куляб имеют население более 100 тыс. жителей. При этом Таджикистан остаётся преимущественно сельской страной: на начало 2025 года 70,9% населения, или около 7,45 млн человек, проживали в сельской местности, тогда как на города приходилось лишь 29,1% [6].

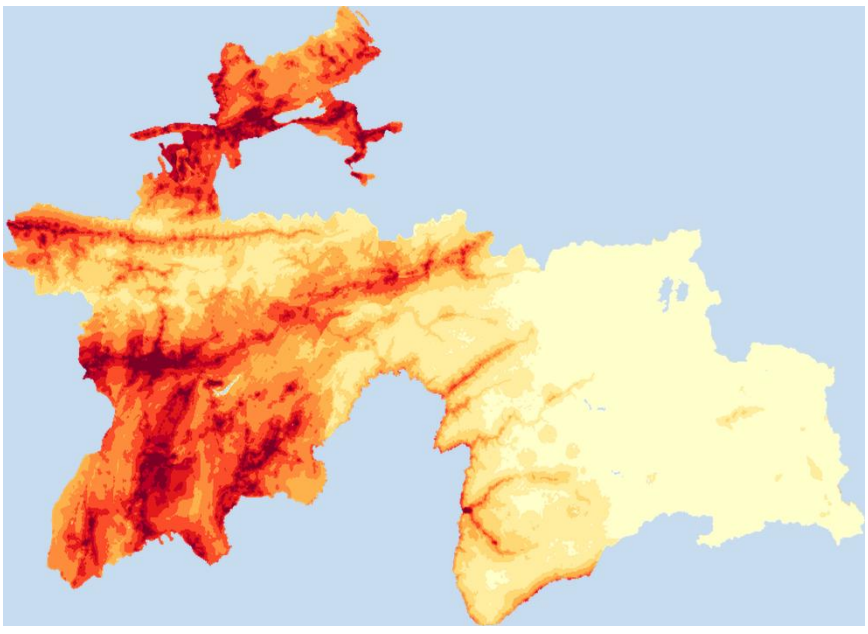

Рис. 3. Пространственное распределение плотности населения Таджикистана, чел./км²

Примечание: *цветовая шкала отражает плотность населения: светлые участки соответствуют минимальной плотности, красные - наиболее высокой. Разрешение исходных данных — 1 км.*
Источник: *WoAtlas,* Tajikistan Population Density Map*, на основе данных WorldPop (CC BY 4.0).*

Быстрый рост населения является потенциальным резервом для ускоренного подъема экономики Таджикистана, формируя несколько масштабных задач: создание новых рабочих мест, развитие промышленности и необходимой для неё инфраструктуры, а также необходимой сферы услуг. Особенно остро проблема занятости проявляется в сельской местности. По результатам обследования рабочей силы, проведённого Агентством по статистике при Президенте Республики Таджикистан в 2025 году, в сельской местности численность рабочей силы составляла 2,152 млн человек, или 71,3% всей рабочей силы страны [11]. Сельское хозяйство обладает значительным потенциалом, однако возможности его расширения ограничены площадью плодородных и орошаемых земель, а занятость носит сезонный характер. Несмотря на то, что в 2025 году индивидуальные хозяйства обеспечили 52,8% всей продукции, ещё 34,7% пришлось на дехканские хозяйства, страна остаётся зависимой от импорта базовых продуктов: по оценке FAO, импорт покрывает более половины внутренней потребности в зерновых [48]. Поэтому дальнейшее развитие аграрного сектора должно быть связано прежде всего с модернизацией и механизацией производства, повышением урожайности, развитием хранения и переработки продукции. Кроме того, отрасль сельского хозяйства не сможет обеспечить постоянной работой всё растущее население республики, тем более с учётом возможного возвращения части трудовых мигрантов. Поэтому всё большее значение приобретает развитие промышленности. Согласно статистике:

- только за 2019–2025 годы промышленное производство увеличилось в 2,5 раза, было введено более 2,6 тыс. предприятий и создано свыше 87 тыс. рабочих мест.
- В 2025 году добывающая промышленность выросла на 36,2%, тогда как обрабатывающая на 10,5%.

Поэтому дальнейший рост экономики во многом будет зависеть от повышения производительности труда, создания современных промышленных производств и расширения переработки собственного сырья с переходом к производству продуктов с высокой добавленной стоимостью. Такая модель промышленного развития не только станет фундаментом для роста национального ВВП, но и позволит создать рынок труда для растущего населения, и сформировать условия для возвращения специалистов, которые сегодня вынуждены искать работу за пределами страны. И в конечном счёте обеспечить устойчивый рост доходов населения.

Бедность снижается, но доходы остаются низкими

По данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, среднемесячная заработная плата в мае 2026 года составила 3 304 сомони, или около $350. Однако этот показатель относится прежде всего к официально устроенным работникам и не отражает доходы значительной части сельского населения, занятого в дехканских и личных хозяйствах или работающего на себя. Для многих таких семей существенным источником дохода остаются заработки родственников за рубежом, поэтому уровень их благосостояния может заметно различаться даже при одинаковом положении на внутреннем рынке труда [7]. Это во многом объясняет более быстрый рост доходов населения по сравнению с расширением внутреннего рынка труда. По данным Всемирного банка, в 2024 году объём полученных Таджикистаном денежных переводов был эквивалентен 47,2% ВВП [6]. В 2025 году зависимость экономики от переводов сохранялась практически на том же уровне: по оценке Всемирного банка, их объём составил около 46% ВВП [10] (рис. 4). Таким образом, значительная часть доходов таджикских семей формируется за пределами национальной экономики, а затем поступает в страну и поддерживает потребление, торговлю и строительство. Всемирный банк связывает с денежными переводами и ростом трудовых доходов значительную часть сокращения бедности последних лет [6, 8, 13, 14].

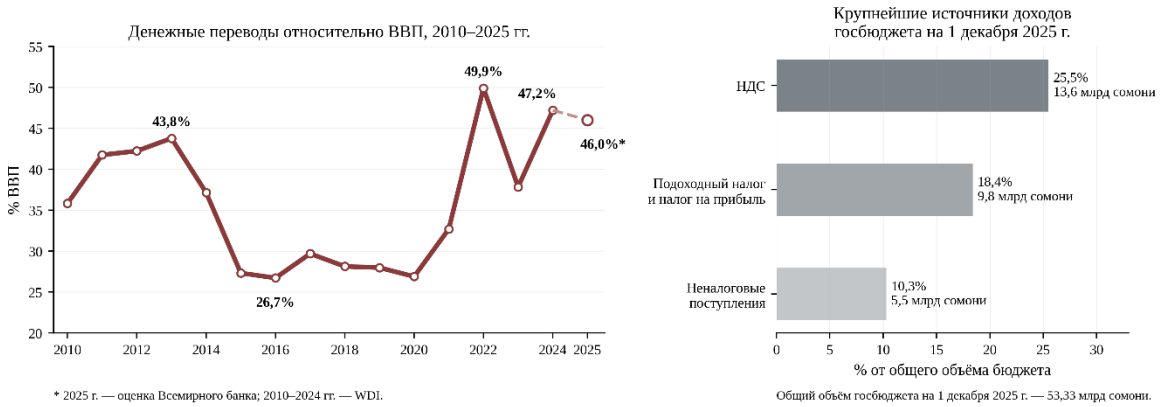

Рис. 4. Динамика денежных переводов относительно ВВП и крупнейшие источники доходов государственного бюджета Таджикистана

Примечание: денежные переводы не входят в состав ВВП; показатель характеризует их объём относительно величины ВВП. Данные за 2010–2024 гг. приведены по World Development Indicators; значение за 2025 г. — оценка Всемирного банка.

Источник: World Bank, World Development Indicators; World Bank, Macro Poverty Outlook, April 2026; Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, Социально-экономическое положение Республики Таджикистан, январь–декабрь 2025 г.

По экспертным оценкам, доля населения за чертой бедности снизилась с 56% в 2010 году примерно до 20% в 2024-м, а доля среднего класса за тот же период выросла с 8 до 33%. Но вместе с этим новые рабочие места внутри страны создаются медленнее, чем растут доходы населения, поэтому улучшение благосостояния во многом обеспечивается повышением заработков уже работающих людей и переводами трудовых мигрантов. Особенно заметен этот разрыв в сельской местности, где возможностей хорошо зарабатывать внутри страны по-прежнему значительно меньше [8].

Разница между зарплатами внутри страны и за рубежом во многом объясняет, почему взрослое трудоспособное население покидает страну ради заработка: при существующем разрыве в доходах трудовая миграция в значительной степени является рациональным экономическим выбором. В начале 2026 года в сельском хозяйстве средняя зарплата составляла:

- около 1,5 тыс. сомони ($155–160) в месяц, в обрабатывающей промышленности - около 3 тыс. ($320),
- в энергетике и добыче - 4,7–4,8 тыс. ($500–510),
- в информационных технологиях и связи - около 6,1 тыс. ($645),
- а в финансах и страховании - примерно 7,6 тыс. сомони ($810) [7].

Высокооплачиваемые рабочие места в Таджикистане сосредоточены в отдельных промышленных отраслях, финансовом секторе, информационных технологиях и связи и доступны сравнительно небольшой части населения; для миллионов жителей сельских районов доступ к рабочим местам с таким уровнем оплаты пока остаётся недоступным.

На первый взгляд уровень доходов населения плохо соотносится со стоимостью жизни, особенно в Душанбе. Столица заметно отличается от остальных частей страны по структуре доходов и потребления, именно здесь сосредоточены центральные органы власти, офисы крупных компаний, банки, значительная часть сферы услуг и наиболее обеспеченных домохозяйств. Денежные переводы из-за рубежа также поддерживают платежеспособный спрос, поэтому цены в Душанбе определяются не только средней заработной платой по стране, но и спросом той части населения, которая располагает существенно более высокими доходами, чем жители сельских районов. Особенно это заметно по уровню цен на рынке жилья, общественного питания, услуг и импортных потребительских товаров. Последние сами по себе стоят дорого из-за высокой зависимости страны от импортных поставок. В первом полугодии 2026 года Таджикистан импортировал товаров на $5,24 млрд при экспорте $1,58 млрд: на каждый доллар товарного экспорта пришлось более трёх долларов импорта. Топливо, автомобили, оборудование, лекарства и значительная часть потребительских товаров приобретаются за

рубежом, а сложная транспортная логистика дополнительно увеличивает их конечную стоимость, что неизбежно отражается в цене промышленных и потребительских товаров [7].

В Душанбе и наиболее посещаемых туристами районах этот эффект усиливается за счёт приезжих. Так в 2025 году Таджикистан посетили 1,784 млн иностранных туристов, и это на 27,4% больше, чем годом ранее, а в январе–мае 2026 года оборот общественного питания, гостиниц и ресторанов вырос ещё на 52,7% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [38, 39]. Конечно не только туристы определяют общий уровень цен в стране, но в гостиницах, ресторанах, кафе, такси и других ориентированных на приезжих услугах они создают дополнительный платежеспособный спрос. В результате возникает характерная для Таджикистана ситуация: доходы и потребление растут быстрее, чем собственное производство товаров, на которые эти доходы расходуются. Значительная часть денег приходит в экономику извне в виде переводов и других внешних поступлений, а затем снова уходит за границу в виде импортных платежей. Поэтому дальнейшее повышение уровня жизни населения всё сильнее зависит не от роста денежных поступлений, а от способности страны создавать рабочие места и удерживать большую часть добавленной стоимости внутри собственной экономики. В этом смысле развитие промышленности становится не самоцелью, а одним из основных условий дальнейшего роста доходов страны: Таджикистану необходимо не только экспортировать сырьё, но и производить его переработку внутри страны, создавая национальное производство, рабочие места [7, 8].

Почему высокий рост пока не сокращает разрыв

Высокие темпы роста экономики Таджикистана пока не сопровождаются сопоставимым ростом занятости, так, например, в 2013–2023 годах ВВП увеличивался в среднем примерно на 7% в год, но на каждый процент его прироста занятость росла лишь примерно на 0,2%. Одна из причин следует из самой структуры экономики: значительная часть промышленного роста и инвестиций приходится на капиталоёмкие отрасли, где крупные вложения в оборудование и инфраструктуру создают сравнительно немного постоянных рабочих мест. Но для обеспечения рабочими местами быстро растущего населения этого недостаточно: ежегодно на рынок труда выходит около 150 тыс. молодых людей, однако найти работу удаётся лишь 30–40 тысяч [9, 10, 40]. Ещё одна особенность рынка труда - очень низкое участие женщин: в 2025 году в рабочую силу входили около 22% женщин в возрасте 15 лет и старше - против 56% мужчин. Часть женщин занимается домашним хозяйством, выращиванием продуктов для семьи, семейной торговлей, воспитанием детей и уходом за родственниками - эта работа занимает значительную часть времени, но не всегда приносит денежный доход. При этом разницу между мужским и женским участием в рабочей силе нельзя целиком считать свободным резервом: далеко не все женщины смогут или захотят работать вне домашнего хозяйства, а для тех, кто готов пополнить рынок труда, нужны новые подходящие рабочие места, профессиональная переподготовка, транспортное сообщение и возможность совмещать работу с семейными обязанностями. Поэтому главная проблема состоит не просто в увеличении числа занятых, а в создании отраслей, способных ежегодно давать десятки тысяч устойчивых рабочих мест с приемлемым уровнем дохода [11, 12].

Трудовая миграция связывает две экономики

Главное противоречие Таджикистана состоит в том, что, с одной стороны, быстро растущей экономике страны нужны специалисты для обеспечения роста промышленности, строительства, энергетики, медицины и образования, но с другой - внутренний рынок пока не может предложить им достаточного количества рабочих мест с приемлемым доходом. Этим, возможно, и объясняется большой поток трудовой миграции в Россию. Так, в интервью ТАСС 11 мая 2026 года посол России в Таджикистане Семён Григорьев сообщил, что в России трудятся более 1 млн граждан республики. Граждане Таджикистана заняты прежде всего в строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, транспорте и логистике. Кроме того, специалисты из Таджикистана, уже получившие российское гражданство, работают и в высокопрофессиональных сферах, в том числе врачами и преподавателями [14–16]. Между странами сохранились многолетние экономические и культурные связи, при этом русский язык

в Таджикистане имеет закреплённый Конституцией статус языка межнационального общения, а российский бизнес заинтересован в привлечении квалифицированных специалистов - для России это работники, участвующие в экономике страны и платящие налоги; иностранные граждане, работающие по патенту, вносят фиксированные авансовые платежи по НДФЛ [15]. Так сокращение трудовой миграции затронуло бы обе экономики: Таджикистан потерял бы часть доходов семей, а российский рынок труда - значительное число квалифицированных работников. Эту взаимную заинтересованность прямо отражает протокол об организованном наборе, подписанный в Душанбе 9 октября 2025 года: среди его целей указано удовлетворение спроса российского рынка труда на квалифицированную рабочую силу. Протокол был ратифицирован Россией 25 мая 2026 года и вступил в силу 15 июня 2026 года; он расширяет механизм организованного набора и предусматривает подготовку квалифицированных кадров ещё до их трудоустройства в России [16].

Из чего фактически состоит экономика

Сельское хозяйство влияет на экономику Таджикистана значительно сильнее, чем это видно только по его вкладу в ВВП. На аграрный сектор приходится около четверти экономики страны, тогда как, по модельной оценке Международной организации труда, в 2025 году в сельском хозяйстве было занято 43,3% всех занятых. Такое соотношение указывает на сохраняющийся значительный разрыв в производительности труда между сельским хозяйством и более капиталоёмкими секторами экономики. Промышленность, энергетика и другие отрасли создают значительно большую добавленную стоимость на одного занятого, однако пока не способны обеспечить достаточное количество новых рабочих мест. В результате Таджикистан уже не является преимущественно аграрной экономикой по структуре ВВП, но сельское хозяйство по-прежнему остаётся крупнейшим сектором занятости [8, 47].

Таблица 2

Экономический масштаб и занятость в основных отраслях Таджикистана, 2025 г.

Отрасль	Объём производства, млрд сомони	Рост к 2024 г., %	Доля в общей занятости, %
Сельское хозяйство	84,7	9,5	43,3
Промышленность	66,7	22,1	17,7*

** По методологии ILO промышленность включает добычу, обрабатывающие производства, энергетику, водоснабжение и строительство.*

Примечание: оценки занятости в сельском хозяйстве Таджикистана различаются в зависимости от методологии. В Tajikistan Poverty and Equity Assessment Всемирный банк оценивает долю работников, занятых в сельском хозяйстве, примерно в 60% [8]. В настоящей работе для сопоставления структуры занятости за 2025 г. используется модельная оценка ILOSTAT / World Development Indicators - 43,3%.

Источник: составлено авторами по данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан и World Bank, World Development Indicators; показатели занятости — ILO Modelled Estimates database (ILOEST), 2025 [4, 18, 47].

Однако высокие темпы промышленного роста последних лет требуют внимательного рассмотрения. Только в 2025 году добывающая промышленность выросла на 36,2%, обрабатывающая на 10,5%, однако такая статистика объясняется увеличением объема промышленной выработки, но не обеспечивает такое же пропорциональное изменение рынка труда. Современный рудник, горно-обогатительное предприятие или электростанция требуют значительных инвестиций в инфраструктуру, оборудование и технологии при привлечении сравнительно небольшого числа работников, поэтому рост добычи увеличивает объём экспортных поставок и ВВП, но не приводит к сопоставимому увеличению численности персонала. Для этого необходимо развивать также всю цепочку создания промышленного продукта, развивая переработку сырьевых продуктов, которые сейчас идут на экспорт, на территории республики. А пока высокие темпы промышленного роста в Таджикистане не сопровождаются сопоставимым увеличением числа рабочих мест, и сельское хозяйство продолжает обеспечивать занятость значительной части населения. Это означает, что для изменения структуры занятости стране необходимы современные предприятия и отрасли,

способные одновременно создавать добавленную стоимость и большое количество рабочих мест [18].

Электроэнергия для населения и для промышленности

В 2025 году производство электроэнергии в Таджикистане составило 23,98 млрд кВт·ч, более 90% выработки обеспечили гидроэлектростанции. Основу генерации формирует Вахшский каскад, прежде всего Нурекская ГЭС, а также Байпазинская, Сангтудинские ГЭС и введённые в эксплуатацию агрегаты Рогунской ГЭС; существенную роль играет также Кайраккумская ГЭС на Сырдарье. При этом годовой объём генерации не отражает баланс обеспеченности страны электроэнергией, в большей степени из-за выраженной сезонности речного стока. В период высокого уровня воды, преимущественно с апреля по сентябрь, производится максимум электроэнергии, которая частично направляется на экспорт: коммерческие поставки за год составили 2,67 млрд кВт·ч. Однако одновременно с этим Таджикистан импортировал 2,70 млрд кВт·ч, которые пришлись в основном на поставки из Узбекистана. Практически нулевое годовое сальдо внешнего обмена электроэнергией скрывает выраженный сезонный дисбаланс. Основной объём экспорта приходится на период высокого уровня воды, именно когда гидроэлектростанции вырабатывают больше электроэнергии, чем требуется внутреннему рынку. Зимой ситуация противоположная: приток воды сокращается, гидрогенерация снижается, тогда как потребление возрастает, и возникающий дефицит приходится покрывать импортом. Иными словами, проблема заключается не в недостатке электроэнергии по итогам года, а в невозможности использовать летний избыток для покрытия зимнего спроса. Ситуацию дополнительно осложняют высокие потери в сетях: в 2025 году они составили около 4 млрд кВт·ч, или примерно 15% электроэнергии, поступившей в систему [46].

Сейчас первоочередная задача страны в обеспечении устойчивого электроснабжения населения, школ, больниц и коммунальных хозяйств в холодные зимние периоды, а далее обеспечении энергией промышленного роста. Эту проблему должна во многом решить Рогунская ГЭС мощностью 3,78 ГВт, где около половины её будущей выработки предполагается использовать для удовлетворения внутреннего спроса, тогда как остальная часть будет экспортироваться соседним государствам. Водохранилище позволит удерживать часть накопленного летнего стока и использовать накопленную воду для генерации в зимний период [20]. Вместе с тем, завершение Рогуна создаст резерв электроэнергии для новых производств. Однако промышленному предприятию, выпускающему серийную продукцию, необходима гарантированная мощность в течение всего календарного года. Поэтому сначала необходимо решить задачу, какую часть произведенной энергии возможно направить на промышленные нужды, не ухудшая обеспечение энергией населения и уже действующих предприятий [20].

Возьмем показательный пример. Крупнейшим промышленным потребителем электроэнергии в Таджикистане остаётся алюминиевый завод TALCO - одно из крупнейших промышленных предприятий страны. В 2024 году предприятие произвело 82,2 тыс. тонн первичного алюминия. По данным ОАО «Распределительные электрические сети», TALCO потребляет в среднем около 5,7 млн кВт·ч электроэнергии в сутки, что соответствует примерно 10% производимой в стране электроэнергии. По данным Министерства энергетики и водных ресурсов Республики Таджикистан, общая выработка электроэнергии в стране в том же году составила 22,43 млрд кВт·ч, поэтому на TALCO пришлось около 9 % всей генерации. При проектной мощности 517 тыс. тонн фактическая загрузка предприятия составила всего 15,9% [19]. При этом сам по себе расчёт потребления электроэнергии при полной загрузке требует оговорки. По данным проведённого ранее Всемирным банком энергоаудита TALCO, удельный расход электроэнергии в электролизном производстве составлял около 16,6 кВт·ч [56] на килограмм алюминия, тогда как для более современных производств ориентир находился примерно на уровне 13–14 кВт·ч/кг. Если исходить из этого более современного уровня, выпуск 517 тыс. тонн алюминия потребовал бы около 6,7–7,2 млрд кВт·ч в год, то есть примерно 30–32% всей генерации Таджикистана в 2024 году. При фактической энергоёмкости TALCO потребность была бы ещё выше. Сам энергоаудит проводился достаточно давно, поэтому напрямую переносить его оценку на современное состояние предприятия нельзя, однако уже

тогда Всемирный банк указывал на высокий уровень энергопотребления TALCO и значительный потенциал его снижения за счёт модернизации.

Основное сырьё и часть расходных материалов для производства алюминия TALCO получает из-за рубежа, прежде всего глинозём, кокс и пек; при этом внутри группы предприятий уже создано собственное производство криолита и фтористого алюминия. Большая часть произведённого металла также экспортируется: в 2024 году за пределы страны было отправлено 71,1 тыс. тонн из выпущенных 82,2 тыс., или около 86,5% [19]. По аудированной отчётности самой TALCO, чистый убыток предприятия по итогам 2024 года составил $38,4 млн [55]. TALCO остаётся одним из флагманов промышленности Таджикистана, однако сочетание низкой загрузки, высокой энергоёмкости, зависимости от импортного сырья и убыточности ставит вопрос прежде всего о модернизации предприятия, а не о простом восстановлении выпуска до проектной мощности. Это особенно важно при выборе направлений использования электроэнергии, строящейся Рогунской ГЭС: она может быть направлена как на расширение производства алюминия, так и на внутреннее энергоснабжение или развитие новых производств с более высокой добавленной стоимостью. Крупнейший российский производитель алюминия РУСАЛ в похожей ситуации пошёл по пути повышения эффективности: в 2012 году компания утвердила программу сокращения 275 тыс. тонн наименее эффективных производственных мощностей, следуя которой в 2013 году остановила производство на ряде старых заводов, одновременно развивая и модернизируя более конкурентоспособные предприятия [44].

Пример TALCO и масштаб Рогунской ГЭС показывают, насколько важным для Таджикистана становится формирование долгосрочного энергетического баланса и насколько внимательно необходимо подходить к использованию водных ресурсов страны. Более 90% электроэнергии здесь вырабатывается на ГЭС, но вода одновременно обеспечивает полив сельскохозяйственных земель и водоснабжение населения; при этом именно сельское хозяйство остаётся крупнейшим потребителем воды. Значение этого ресурса выходит далеко за пределы республики: Таджикистан расположен в бассейнах Амударьи и Сырдарьи и, по данным FAO Tajikistan at a Glance. Food and Agriculture Organization of the United Nations, формирует более 60% водных ресурсов Центральной Азии [54]. Поэтому вопрос заключается не только в том, сколько дополнительной электроэнергии предоставит Рогун, но и в том, насколько рационально страна сможет использовать этот водно-энергетический ресурс - для обеспечения собственных потребностей, развития промышленности и сельского хозяйства, одновременно учитывая его значение для общего водного баланса Центральной Азии.

Транспорт: дороги внутри страны и выходы к внешним рынкам

Около 93% территории Таджикистана занимают горы, разделяющие основные районы страны, поэтому именно автомобильные дороги здесь имеют не только хозяйственное, но и государственное значение. Из Душанбе до Худжанда около 300 км, однако дорога через Анзобский и Шахристанский тоннели занимает обычно пять–шесть часов; до Хорога - около 600 км и не менее четырнадцати–шестнадцати часов, если погода и состояние трассы позволяют пройти маршрут без вынужденных задержек. Открытие тоннелей и реконструкция дороги Душанбе - Худжанд обеспечили круглогодичное сообщение между столицей и Согдийской областью без проезда через Узбекистан, а дороги в Раштскую долину и на Памир связали Душанбе с восточными районами республики. Практически весь внутренний грузовой и пассажирский поток проходит по автомобильным дорогам: в 2025 году на них пришлось около 95% перевезённых грузов [21].

Рис. 5. Железнодорожная сеть Таджикистана и основные внешние направления сообщения
Примечание: схема подготовлена авторами для наглядного отображения конфигурации железнодорожной сети Таджикистана и её связей с соседними странами на основе материалов CAREC/ADB; схема не является точной картографической реконструкцией.

Железная дорога, как правило, дешевле автомобильного транспорта при перевозке крупных партий зерна, топлива, металлов, цемента и других массовых грузов, однако горный рельеф Таджикистана ограничивает возможности её использования. Первая ж/д ветка появилась на севере в 1897 году: дорога Урсатьевская - Андижан прошла через Ходжент и соединила его с железнодорожной сетью остальной Российской империи. В 1926–1930 годах была построена линия Термез - Душанбе - Янги-Базар, нынешний Вахдат. Однако северная и центрально-южная части сети до сих пор остаются не соединены между собой. Поэтому железная дорога почти не используется для внутренних перевозок, но сохраняет большое значение во внешней торговле: по ней поступают прежде всего грузы из Узбекистана, Казахстана и России. По оценке CAREC, 98% железнодорожных грузов Таджикистана приходилось на импорт и экспорт, тогда как 99% внутренних перевозок выполнялось автомобилями [22]. Основные внешние транспортные направления показаны на рис. 6.

Западный маршрут - через Узбекистан в Казахстан и Россию. Это главное транспортное направление Таджикистана. В 2025 году Россия обеспечила 22,9% внешнеторгового оборота республики, Казахстан - 11%, Узбекистан — 6,7%; вместе на эти три страны пришлось более 40% всей торговли. Через Узбекистан проходят обе таджикские железнодорожные линии и основные автомобильные маршруты на запад, по ним транспортируются российские и казахстанские нефтепродукты, зерно, продовольствие, металлы, оборудование и другие крупные партии товаров.

Восточный маршрут — через Кульму в Китай. Китай в 2025 году стал крупнейшим торговым партнёром Таджикистана: на него пришлось 26,4% оборота, или около $2,85 млрд. Прямой путь проходит через Памир и пограничный переход Кульма, но это высокогорная автомобильная дорога со сложным рельефом, а погодные условия еще больше усложняют прохождение маршрута. И хотя Китай непосредственно граничит с Таджикистаном, часть товаров, а именно тяжёлые, габаритные и контейнерные грузы, всё равно перевозятся по железной дороге через Казахстан и Узбекистан [23].

Южный маршрут - через Афганистан к Пакистану и Индийскому океану. В 2025 году на Афганистан приходилось только 1,1% внешней торговли Таджикистана. Интерес к этому направлению связан не с нынешним объёмом товарооборота, а с возможностью получить более

короткий доступ к пакистанским портам Карачи и Гвадар. Такой путь мог бы использоваться для импорта топлива, оборудования и других товаров, а также для вывоза таджикской продукции в Южную Азию. Однако маршрут проходит через Афганистан, где транспортная сеть остаётся слабо развитой, а переходы на границе с Пакистаном периодически закрываются. Соседний Узбекистан развивает собственную трансафганскую железную дорогу, поэтому дорога через Таджикистан вряд ли станет общей магистралью для всех республик Центральной Азии, но для самого Таджикистана, а также Кыргызстана, она могла бы стать дополнительным выходом к морю и уменьшить зависимость от западного маршрута [22, 23].

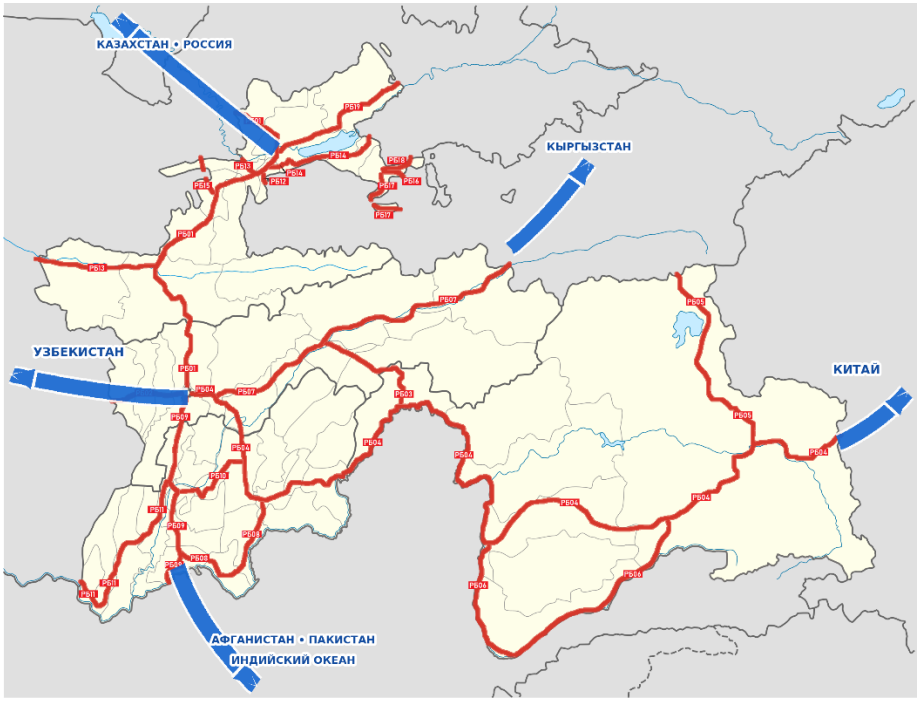

Рис. 6. Основные автомобильные дороги и внешние транспортные направления Таджикистана
Разработано для наглядности авторами статьи. Красным показана основная автомобильная сеть страны; синими стрелками — ключевые внешние направления: через Узбекистан — в Казахстан и Россию; в Кыргызстан; через пограничный переход Кульма — в Китай; через Афганистан и Пакистан — к Индийскому океану.

Внутри страны основная транспортная нагрузка ложится на автомобильные дороги, поскольку только они соединяют Душанбе с севером, Раштской долиной и Памиром. Железная дорога используется преимущественно во внешней торговле и зависит от транзита через Узбекистан. Западное направление уже обслуживает значительную часть товарооборота, восточное связывает страну с её крупнейшим торговым партнёром - Китаем, а южное пока остаётся возможным выходом к Индийскому океану, значение которого будет зависеть от развития инфраструктуры и устойчивости транзита через Афганистан [21–23].

Вода делает Таджикистан необходимым для всего региона

Те же горы, которые отрезают Таджикистан от морей и усложняют строительство дорог, дают стране её главный природный ресурс. В памирских горах берут начало Пяндж и Вахш, образующие Амударью, а также Кофарнихон, Зеравшан и притоки Сырдарьи. На территории Таджикистана формируется значительная часть стока бассейна Амударьи - главной речной системы южной части Центральной Азии; точная доля зависит от используемой методики расчёта [24]. Ни одно другое природное богатство Таджикистана не имеет такого значения для соседних стран: этой водой орошаются огромные сельскохозяйственные районы Узбекистана и Туркменистана, от неё зависят урожаи, занятость в деревне и устойчивость целых областей [24, 25].

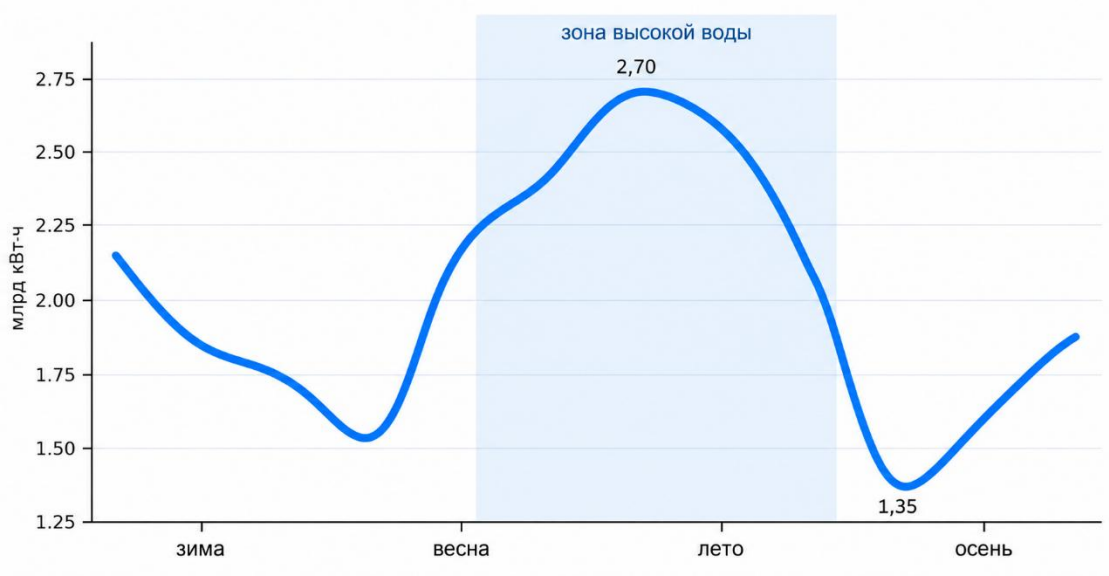

Рис. 7. Сезонная динамика производства электроэнергии в Таджикистане в 2025 г.
Источник: составлено авторами по данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан; сведения о периоде высокой водности рек — по данным Министерства энергетики и водных ресурсов Республики Таджикистан.

Значительная часть стока Амударьи формируется в горной части Таджикистана, однако это не означает, что страна может единолично распоряжаться этим водным ресурсом. Потребности стран бассейна различаются по сезонам: Таджикистан заинтересован в сохранении воды для зимней выработки электроэнергии, когда собственный спрос возрастает, тогда как Узбекистану и Туркменистану основные объёмы необходимы весной и летом для обеспечения сельского хозяйства. В советский период этот баланс поддерживался в рамках единой плановой экономики: верхние республики обеспечивали необходимые летние сбросы воды, а взамен получали топливо и электроэнергию. После распада СССР прежний механизм пришлось закреплять между государствами С5. В феврале 1992 года Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан подписали Алматинское соглашение о совместном управлении, использовании и охране межгосударственных водных ресурсов и создали Межгосударственную координационную водохозяйственную комиссию, которая ежегодно согласовывает лимиты водопользования и режимы работы водохранилищ [24, 25]. Большие надежды Таджикистан связывает с Рогунской ГЭС, которая существенно увеличит производство электроэнергии и возможности сезонного регулирования, однако её работа также должна вписываться в существующий региональный водный баланс. В документах проекта закреплено, что совместная работа Рогунского и Нурекского водохранилищ не должна увеличивать исторически сложившийся перенос воды с летних месяцев на зимние сверх 4,2 км³ в год, а Таджикистан должен соблюдать согласованные в рамках МКВК лимиты водопользования [20]. В дальнейшем согласование интересов станет ещё сложнее из-за сокращения ледников, роста населения и строительства Афганистаном канала Кош-Тепа. Поэтому Таджикистан заинтересован не только в развитии собственной гидроэнергетики, но и в устойчивой системе отношений с соседями: Узбекистану и Туркменистану необходима вода для сельского хозяйства, а Таджикистану - рынки для экспорта электроэнергии и возможность компенсировать зимний дефицит. В этих условиях управление водными ресурсами становится одной из основных экономических задач стран С5, которую невозможно решить в рамках политики одного государства [20, 24, 25].

Недра: как не продать будущее вместе с рудой

Геологическое освоение Таджикистана началось в начале 1930-х годов с большой научной программы, когда Академия наук СССР при участии академика А. Ферсмана развернула комплексное изучение Таджикистана и Памира: экспедиции исследовали геологию, минералогию, гидрологию и природные ресурсы [43]. Почти через сто лет стране во многом

приходится возвращаться к той же задаче. Добывающая отрасль уже играет заметную роль в экономике: в 2025 году она выпустила продукции более чем на 20 млрд сомони, увеличив производство на 36,2%, металлургия и производство металлических изделий дали ещё 10,6 млрд сомони. Но основой отрасли остаются давно изученные золоторудные, серебряные, сурьмяные и полиметаллические объекты. По критическим минералам и редким металлам ситуация гораздо менее определённая. В отчёте EITI за 2015–2016 годы указывалось, что запасы редких металлов на государственном балансе отсутствовали, хотя геологическая разведка сообщала о десяти перспективных рудопроявлениях и тринадцати пегматитовых полях, в том числе Намангутское, с присутствием лития, тантала, ниобия, бериллия, олова и РЗЭ цериевой группы; основные перспективные площади расположены на Памире и в Зеравшанской долине. Более свежие данные остаются фрагментарными, а EITI в 2025 году вновь отмечала недостаточную открытость и полноту информации по отдельным месторождениям и проектам. Поэтому сообщения об обнаружении лития или редких металлов ещё не позволяют говорить об их промышленной и экономической ценности: нужны подтверждённые запасы, содержание ценных минералов, технология извлечения и экономика проекта. И это длительный процесс, по данным S&P Global, в современной мировой горнодобывающей промышленности от открытия месторождения до начала производства проходит в среднем около 16 лет [49].

Масштаб необходимых инвестиций демонстрирует пример TALCO Gold. Совместное предприятие TALCO и китайской Tibet Huayu Mining было создано для освоения Кончочской группы месторождений; В 2017 году Tibet Huayu Mining приобрела 50% TALCO Gold за $90 млн. Проектная мощность комплекса составляет 1,5 млн т руды в год с выпуском около 2,2 т золота и 15,6 тыс. т сурьмы [50, 51]. Строительство началось в 2018 году, производство запущено в 2022-м. Для редких металлов технологический путь до товарного продукта может быть ещё длиннее, из-за сложности добычи и переработки. Найденный в памирских пегматитах сподумен сначала необходимо добыть и обогатить до концентрата, затем переработать в карбонат или гидроксид лития, получить катодные материалы и только после этого - литийсодержащий аккумулятор. Каждая последующая стадия требует создания новых производств, импортных реагентов, энергии, воды, технологий и подготовленных специалистов. Если Таджикистан ограничится экспортом сподуменового концентрата с содержанием около 6% Li_2O, внутри страны останутся добыча, часть рабочих мест и налогов, тогда как более сложные этапы переработки будут находиться за рубежом [27–29, 45].

Опыт соседних республик позволяет на конкретном примере проследить, сколько времени и капитала требует работа с иностранным партнёром: такой крупный сырьевой проект, как Кумтор в Кыргызстане, на который в отдельные годы приходилось около 8% ВВП страны и до 10% бюджетных доходов, способен десятилетиями приносить значительный доход, но его создание требует крупных инвестиций и многих лет подготовки.

- Месторождение было открыто в 1978 году, детально разведано к 1989-му,
- соглашение с канадской Cameco подписано в 1992-м,
- строительство началось в 1994-м,
- а коммерческая добыча - только в 1997 году;

Первоначальные инвестиции превысили $452 млн, после чего в развитие и модернизацию были вложены ещё сотни миллионов долларов. В полную собственность Кыргызстана Кумтор перешёл лишь в 2022 году - уже как действующее предприятие с построенной инфраструктурой, подготовленными кадрами и отработанной технологией.

Но существуют и другие примеры, которые заставляют задуматься. Науру, небольшая островная республика в Тихом океане: добытые в стране фосфориты принесли огромные доходы, но после истощения ресурса страна осталась без прежних сырьевых доходов, но при этом с серьезными экологическими проблемами [31]. Для Таджикистана решение лежит не в отказе от иностранных инвестиций или первоначального экспорта сырья, а в обдуманном стратегическом подходе к оценке и разработке национальных ресурсов [28–31].

Основные выводы

Нет смысла пытаться одновременно решить все проблемы, рассмотренные в настоящей статье. Ограниченность финансовых, управленческих и кадровых ресурсов требует выбора

нескольких приоритетных направлений, которые связаны между собой и способны дать наибольший совокупный эффект. Для Таджикистана к таким направлениям относятся транспортная доступность, энергетика, развитие современной производственной базы и создание условий для привлечения внешних инвестиций.

Первое - транспорт. Сегодня около 95% внутренних грузов перевозится автомобилями, железнодорожная сеть разделена на две несвязанные части, а основные внешние маршруты зависят от транзита через соседние государства [21–23]. Поэтому задача состоит не просто в строительстве новых дорог, а в обеспечении транспортного сообщения между регионами страны и внешними рынками. Для Таджикистана особенно важно сохранять надёжный западный маршрут через Узбекистан, улучшать прямое сообщение с Китаем и постепенно развивать южное направление через Афганистан к портам Индийского океана. Наличие нескольких устойчивых внешних маршрутов снизит зависимость от одного направления и расширит возможности для экспорта и импорта.

Второе — энергетика. Таджикистан уже производит около 24 млрд кВт·ч электроэнергии в год, однако сезонность гидрогенерации приводит к летнему избытку и зимнему дефициту. Завершение строительства Рогунской ГЭС мощностью 3 780 МВт существенно увеличит возможности энергосистемы, но само по себе не обеспечит промышленного развития [20]. Одновременно необходимо модернизировать сети, снижать потери и готовить новых промышленных потребителей. Экономический эффект дополнительной генерации будет выше, если значительная часть электроэнергии будет использоваться внутри страны для производства продукции с более высокой добавленной стоимостью.

Третье — развитие производства и создание постоянных рабочих мест. При рабочей силе около 3,0 млн человек крупные инфраструктурные и сырьевые проекты не могут быть единственным источником занятости. Стране нужны предприятия, способные расти вместе с внутренним спросом и экспортом: агропереработка, текстиль и одежда, строительные материалы, переработка минерального сырья, ремонт оборудования, транспорт, логистика и промышленный сервис [11, 40]. Для их развития необходимы подготовленные промышленные площадки и технопарки с подключением к электросетям и инженерной инфраструктуре, дороги, финансирование и поставки современного оборудования.

Четвёртое - условия работы с инвесторами. Таджикистан заинтересован в привлечении внешнего капитала и современных технологий из разных стран, поэтому для него важно формирование конкурентной инвестиционной среды, в которой между собой могли бы соперничать не только отдельные компании, но и инвесторы из разных стран и групп стран. Это снижает зависимость от одного внешнего партнёра и расширяет возможности выбора условий сотрудничества. При этом такая конкуренция не может сводиться только к цене предложения: при выборе инвестора необходимо учитывать геополитические риски, устойчивость межгосударственных отношений и уровень взаимного доверия, от которого во многом зависит долгосрочность проекта. Сравнивать необходимо не только объём вложений, но и стоимость капитала, сроки, участие таджикских компаний, подготовку кадров, строительство инфраструктуры и глубину переработки сырья. Для этого нужны более прозрачные правила. В 2025 году Таджикистан получил 55 баллов из 100 по стандарту EITI, что относится к категории относительно низкого результата; среди проблем отмечались лицензирование, раскрытие информации, бенефициарная собственность и доступность данных [28].

Эти направления нельзя рассматривать отдельно друг от друга. Без надёжного транспортного сообщения промышленность будет проигрывать по стоимости доставки; без устойчивой энергетики невозможно развивать современные производства; без новых производств крупные инфраструктурные проекты не дадут необходимого числа постоянных рабочих мест; без конкуренции инвесторов и прозрачных правил государству сложнее добиваться выгодных условий. Именно совместное решение этих задач должно определить экономическую политику Таджикистана на ближайшие десятилетия.

Литература

1. U.S. Department of State. C5+1 Diplomatic Platform. Fact Sheet. 27 February 2023.

2. Меликян Г. Пять бывших республик Советского Союза идут к новому союзу // Известия. 1993. 6 января.

3. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Глава государства: «В 2025 году валовой внутренний продукт Таджикистана достиг 173 миллиардов сомони». 25.12.2025.

4. Президент Республики Таджикистан. Расширенное заседание Правительства Республики Таджикистан по итогам 2025 года. 2026.

5. International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. April 2026. Washington, D.C.: IMF, 2026.

6. World Bank. Tajikistan: World Development Indicators. Washington, D.C.: World Bank.

7. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Официальные показатели за 2026 год: среднемесячная заработная плата, экспорт и импорт. Официальный сайт.

8. World Bank. Tajikistan Poverty and Equity Assessment. Washington, D.C.: World Bank, 2025.

9. World Bank. Enhancing Technical and Vocational Education and Training for Youth and Migrants in Tajikistan. 2025.

10. World Bank. Macro Poverty Outlook for Tajikistan. April 2026. Washington, D.C.: World Bank, 2026.

11. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Обследование рабочей силы – 2025. Душанбе, 2026.

12. World Bank Gender Data Portal. Tajikistan. Labour force participation rate by sex, 2025. Source: ILO modelled estimates.

13. Nawaz F., Kayani U., Aysan A. F. Nexus between foreign remittances and poverty alleviation: Empirical investigation of Tajikistan from Central Asia // Cogent Social Sciences. 2024. Vol. 10. Art. 2275554. DOI: 10.1080/23311886.2023.2275554.

14. Shimizutani S., Yamada E. Transformation of international migrants in head wind: Evidence from Tajikistan in the 2010s // Review of Development Economics. 2023. Vol. 27. No. 1. P. 525–549. DOI: 10.1111/rode.12933.

15. Федеральная налоговая служба России. Статья 227.1 НК РФ: фиксированные авансовые платежи по НДФЛ иностранных граждан, работающих на основании патента.

16. Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 17 апреля 2019 г., подписанный 9 октября 2025 г.; Федеральный закон Российской Федерации от 25 мая 2026 г. № 138-ФЗ «О ратификации Протокола о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 17 апреля 2019 г.

17. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Национальные счета Республики Таджикистан. Статистический сборник. Душанбе, 2025.

18. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. В 2025 году темпы роста в отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности составили соответственно 136,2 и 110,5 процента. 17.02.2026.

19. TALCO. Пресс-релизы: производство первичного алюминия, экспорт и потребление электроэнергии в 2024–2025 гг. Официальный сайт компании.

20. World Bank. Rogun Hydropower Plant Project: Frequently Asked Questions. 2026.

21. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. В Таджикистане объём грузоперевозок увеличился на 15,2 процента. Итоги 2025 года.

22. CAREC Program. Railway Sector Assessment for Tajikistan / Situation of Railways in CAREC. Asian Development Bank, 2021.

23. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Социально-экономическое положение Республики Таджикистан. Январь–декабрь 2025 г. Раздел «Внешняя торговля».

24. World Bank. Tajikistan General Water Security Assessment. Washington, D.C.: World Bank, 2024.

25. World Bank. Central Asia Water and Energy Program (CAWEP). Regional water-energy materials.

26. World Bank. Rogun Hydropower Project: Environmental and Social / Transboundary Water Assessments. 2025–2026.

27. Инициатива прозрачности добывающих отраслей Республики Таджикистан. Отчёт ИПДО Республики Таджикистан за 2015–2016 годы.

28. Extractive Industries Transparency Initiative. Tajikistan 2025 Validation Report. June 2025.

29. International Energy Agency. Global Critical Minerals Outlook 2026. Paris: IEA, 2026.

30. Kumtor Gold Company. Results of operations for 2024; Start of underground gold mining at Kumtor. 2025.

31. International Monetary Fund. Republic of Nauru: 2019 Article IV Consultation — Staff Report. IMF Country Report No. 20/31. Washington, D.C.: IMF, 2020.

32. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года: утв. постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 декабря 2016 г. № 636. Душанбе, 2016. 87 с.

33. Программа ускоренной индустриализации Республики Таджикистан на 2020–2025 годы: утв. постановлением Правительства Республики Таджикистан от 27 мая 2020 г. № 293. Душанбе, 2020.

34. Государственная программа развития экспорта Республики Таджикистан на 2026–2030 годы: утв. постановлением Правительства Республики Таджикистан от 26 ноября 2025 г. № 652. Душанбе, 2025.

35. Программа государственной поддержки и развития частного сектора в Республике Таджикистан на 2023–2027 годы: утв. постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 марта 2023 г. № 50. Душанбе, 2023.

36. Стратегия развития «зелёной» экономики в Республике Таджикистан на 2023–2037 годы: утв. постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 сентября 2022 г. № 482. Душанбе, 2022.

37. Стратегия привлечения инвестиций в Республику Таджикистан на период до 2040 года: утв. постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 июля 2025 г. № 372. Душанбе, 2025.

38. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. В 2025 году более 2,1 миллиона иностранцев посетили Таджикистан. 26.02.2026.

39. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. В Таджикистане сохраняется устойчивый рост объёмов торговли и платных услуг. 26.06.2026.

40. World Bank. Tajikistan: Fostering Economic Transformation and Jobs Creation. 12.06.2026.

41. Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. London: Palgrave Macmillan, 2003. 276 p. DOI: 10.1057/9780230502840.

42. Исполнительный орган государственной власти города Душанбе. Паспорт города. Население по переписям: 1926 г. — 5,6 тыс. человек; 1989 г. — 594,1 тыс. человек. Официальный сайт города Душанбе.

43. Таджикская комплексная экспедиция 1932 г. / Академия наук СССР; ред. коллегия: А. Е. Ферсман, Н. П. Горбунов, В. Н. Васильев и др. Л.: Госхимтехиздат, 1933. Электронная библиотека Русского географического общества.

44. UC RUSAL. UC RUSAL announces interim results of the aluminium output reduction programme. 17.10.2013; RUSAL. History: 2013. Официальные материалы компании.

45. U.S. Geological Survey. Lithium 2019 // Minerals Yearbook. U.S. Geological Survey. В качестве примера промышленного сподуменового концентрата приводится продукт Mt Cattlin с содержанием 5,93% Li_2O.

46. Министерство энергетики и водных ресурсов Республики Таджикистан. Итоги деятельности электроэнергетики за 2025 год: импорт электроэнергии — 2,7019 млрд кВт·ч; потери — 3,992 млрд кВт·ч, или 15%; более 90% экспорта пришлось на апрель–сентябрь. Официальный сайт Министерства, 2026.

47. World Bank. World Development Indicators. Employment by sector — Tajikistan: Employment in agriculture (% of total employment), Employment in industry (% of total employment), modeled ILO estimates. Source: ILO Modelled Estimates database (ILOEST), International Labour Organization. Washington, D.C.: World Bank, 2026.

48. FAO. GIEWS Country Brief: Tajikistan. Food and Agriculture Organization of the United Nations.

49. S&P Global Market Intelligence. World Exploration Trends 2026. 2026

50. 西藏华钰矿业股份有限公司 [Tibet Huayu Mining Co., Ltd.]. 公开发行可转债申请文件的反馈意见之回复 [Ответ на замечания по документам заявки на публичный выпуск конвертируемых облигаций]. 28.12.2018. — подтверждает приобретение 50% TALCO Gold за $90 млн, финансирование сделки, проектную мощность 1,5 млн т руды в год и первоначальный объём инвестиций в проект.

51. 西藏华钰矿业股份有限公司 [Tibet Huayu Mining Co., Ltd.]. 关于2023年年度报告的信息披露监管工作函的回复公告 [Ответ на запрос Шанхайской фондовой биржи по раскрытию информации в годовом отчёте за 2023 год]. 公告编号：临2024-048, 13.07.2024. — подтверждает проектную мощность 1,5 млн т/год и проектный выпуск около 2,18 т золота и 15,56 тыс. т сурьмы в год.

52. United Nations Statistics Division. UNData. Tajikistan — Country Profile. World Statistics Pocketbook.

53. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects 2024. New York: United Nations, 2024.

54. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Tajikistan at a Glance. FAO in Tajikistan.

55. Open Joint Stock Company “Tajik Aluminum Company”. Consolidated Financial Statements and Independent Auditor’s Report for the Year Ended 31 December 2024 [Электронный ресурс].

56. World Bank. Energy Audit at TALCO – Tajik Aluminum Company in Tajikistan: Energy Audit Report [Электронный ресурс].

Об авторах

Домов Александр Игоревич, заместитель главного редактора журнала Редкие Земли, Россия, г. Москва.

Бобоев Муталибжон Ракибович, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика», Московская академия предпринимательства, Россия, г. Москва.

About authors

Alexander I. Domov, Deputy Editor-in-Chief of Rare Earths magazine, Moscow, Russia.

Mutalibjon R. Boboev, Candidate of Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Economics at the Moscow Academy of Entrepreneurship, Moscow. Russia.